

СИБИРСКИЕ ОГНИ

*Козлова В.
Завод в стени
с. 151-162*

3

МАРТ

1959

Мы идем к КОММУНИЗМУ

В. Козлова

ЗАВОД В СТЕПИ

«Озимая», «За урожай»... Названия станций, мелькающих за окном вагона, подтверждают: мы в обширных владениях алтайских хлеборобов. Куда ни кинешь взгляд — всюду вспаханная земля. Ветер согнал снег в борозды, и поле кажется гигантским листом бумаги, по которому выведены бесконечные черные строки. Сбиваясь все тесней, они убегают к самому горизонту.

— И когда сделалось эхо чудо? Раньше, бывало, ездили все степью, а теперь ишь — пашней, — качает головой старая проводница, протирая окна вагона.

Нелегко вкладывается смысл этих великаньих, выписанных трактором строк в мелкие журнальные строчки. Общими силами писателей и журналистов уже создается славная летопись целины. Но не будет она полной без рассказа о тракторе, а значит, о людях, которые здесь, в сердце целинного Алтая, создают эту чудесную машину.

И вот — Рубцовск, центр Сибирского тракторостроения.

Мы едем с вокзала в автобусе по широкому проспекту Восточного поселка тракторостроителей. Собственно, это не поселок, а целый город. Он полон солнца. Легкие, светлые здания возвышаются на фоне необычайно яркого голубого неба. Такого яркого, что тотчас приходит мысль: это небо юга. И сразу вспоминаешь: ведь мы, действительно, в южных, почти крымских широтах, ведь Алтай соперничает с Крымом по числу солнечных дней в году. Этот декабрьский день тому доказательство: ни облачка на небосклоне.

И еще ярче кажется день оттого, что над крышами домов нигде не видно дымок, они не вьются над трубами, не уходят в небо. Это значит, в домах не жгут уголь и дрова. Весь огромный поселок обогревается теплоцентралью. Изменилось одно из древних понятий человека об обжитости места. Многократно воспетый поэтами дымок в степи уже перестал быть символом тепла и уюта...

В чистом, теплом полупустом автобу-

се было покойно и тихо. Только однажды кондуктор упрекнул какую-то пассажирку, которая пыталась проехать без билета:

— Это как же мы в коммунизм войдем с таким сознанием?

Кондуктора поддержали другие пассажиры. И вот уже забыта ничтожная причина общего разговора, а здесь и там звучат слова: «тезисы», «коммунизм», «семилетка».

Две женщины оживленно толкуют о каком-то тракторе будущего, пожилой мужчина, обращаясь к кондуктору, говорит о воспитании людей, кто-то громко заявляет, что через пару месяцев завод перейдет на семичасовой рабочий день.

Как о самом обыденном, привычно входящем в быт, говорили люди о важнейших вещах. И стала очень ясна еще одна новая черта: никогда раньше так просто, как о самых близких и конкретных делах, не говорили в рабочей среде о коммунизме!

Этот случайный разговор в автобусе как бы предопределил все, что мне довелось увидеть и услышать на Алтайском тракторном заводе.

1

Месяца полтора назад по той самой улице, которой мы любовались из окна автобуса, шла молоденькая девушка. Она возвращалась домой после ночной смены. Обычно эта прогулка отнюдь не доставляла ей удовольствия — хотелось поскорее юркнуть в постель. Но на этот раз спать совсем не хотелось. Вот здесь, в зажатой под мышкой газете, описывались удивительные вещи! Московские комсомольцы начали готовиться к тому, чтобы войти в коммунизм. Значит, он уже близок!

Девушка на секунду закрыла глаза, стараясь представить, каким будет все вокруг при коммунизме.

Войдя в комнату общежития, которое и было ее домом, она тихонько сняла пальто — подруга Нина Лапшина еще

спала — и села к столу. Снова прочитала газету и радостно засмеялась.

— Что ты, Маша? Ложись, спать, — сонным голосом пробормотала подруга.

— Вот почитай! — сказала Маша. — Бригада коммунистического труда!

Нина встряхнула кудрями, протерла глаза и села на кровати. Она долго читала газету, потом вдруг сказала растерянно:

— Если все будут работать без брака, пожалуй, контролеры останутся за бортом.

Маша рассмеялась:

— Я всегда говорила, что у тебя отмирающая профессия.

— Что ты понимаешь! Если бы не мы, контролеры, ни один трактор не вышел бы из цеха! — запальчиво ответила Нина.

И подруги заспорили.

Впрочем, это был давний спор. Он начался с того дня, когда выпускницы Калтанской средней школы Кемеровской области Маша Смоглюк и Нина Лапшина впервые переступили ворота завода.

Маша предпочла стать слесарем-сборщиком моторов и всегда с восторгом рассказывала Нине о своей работе. Кривила душой лишь в одном: не признавалась, что сначала в цехе ей было страшно. Обилие сложной и пока мало знакомой техники пугало, а злобный вой пневматических машинок с непривычки прямо душу выворачивал.

Маша ходила на завод чаще всего в третью смену, потому что день у нее

был чрезвычайно загружен. Она училась в вечернем институте, выполняла множество общественных поручений. Конечно, это было нелегко, и товарищи удивлялись, откуда берется столько сил у маленькой хрупкой девушки. А Маша не понимала, как можно не учиться, когда тебя окружает столько сложных машин. Она очень полюбила свою специальность, требующую немалых знаний, хорошей памяти, большой сноровки, и училась не для того, чтобы потом уйти на «чистую» инженерскую работу. Рабочая специальность совсем не ограничивала ее кругозора. Скоро на нее и возложили обязанности технического информатора цеха. Обычно это дело поручалось инженерам, но работница Маша Смоглюк доказала, что это совсем не обязательное правило: она сумела хорошо организовать техническую учебу в цехе.

Как человека, жадно интересующегося всем новым, Машу послали «за опытом» на автозавод в Миасс, на Урал. Она привезла оттуда несколько приспособлений и чертежей механизмов. Все это пригодилось в цехе, облегчило некоторые операции на сборке.

...Сообщение о почине московских комсомольцев открыло перед Машей Смоглюк новую прекрасную цель: ей захотелось работать в бригаде, носящей звание коммунистической.

Вскоре выяснилось, что мечтает об этом не одна Маша. Высокий русоволосый парень, недавно вернувшийся из армии, Виталий Саблин, однажды спро-

Возвратясь из цеха домой, Маша Смоглюк готовится к занятиям в институте.
Фото В. Мартынова.

сил Машу, как она смотрит на то, что комсомольцы цеха создадут у себя бригаду коммунистического труда. Маша задыхнулась от волнения и, почему-то оробев, сказала:

— Только, пожалуйста, примите меня.

Вскоре в тесной конторке сменного мастера пятеро юношей и одна девушка обсуждали новые обязательства.

— Главное — здорово работать: Давайте запишем: выполнять задания не меньше чем на 170 процентов, — предложил паренек с мягкими чертами лица — Вася Корзун.

Все задумались. Согласиться с Васей, это означало собирать за смену не девять, а пятнадцать насосов гидронавесной системы, не пятнадцать, а двадцать две шатунно-поршневых группы мотора. Серьезное дело, но выполнимое!

На том и порешили.

— Повысить производственные ряды!

— Работать без контролера, — подала голос Маша.

— В течение пяти-семи лет получить высшее образование, — предложил Виталий Саблин.

И этот пункт встретил горячее одобрение. Собственно, вся бригада уже выполняла его: Маша Смоглюк училась на втором курсе института, Виталий Саблин — в десятом классе вечерней школы, Иван Чепрасов, окончивший десятилетку и техническое училище, готовился поступать в институт, Николай Хотенчик — в техникум, Василий Корзун занимается в девятом классе заочной школы, Валерий Григорян повторяет программу девятого класса, чтобы с будущего года исполнить мечту о поступлении в музыкальное училище.

Дальше последовали предложения:

— В 1959 году повысить производительность труда еще на сорок процентов.

— Соблюдать чистоту и порядок на рабочем месте.

— Иметь всем спортивные разряды.

— Много читать, ходить в театр, в кино, быть примерным в поведении, выручать товарища в беде.

Посоветовались с мастером Николаем Владимировичем Павличенко, недавним комсомольским работником. И — приняты обязательства.

Жить и работать сразу стало интересней.

Вася Корзун решил серьезно испытать свои силы — и однажды выполнил задание на 307 процентов.

Остальные последовали его примеру и с каждым днем увеличивали производительность труда.

И раньше дружили комсомольцы. Но сейчас их дружба стала во много раз сильней. О товарище каждый стал заботиться, как о самом себе. Придет Корзун на полчаса раньше в цех — непременно поможет Маше собрать лишней

узел. Зато когда нужно Васе идти на физкультурное состязание, Маша не откажется подменить его на работе, хотя она — очень, очень занятый человек.

Нередко случается, что механический цех задерживает подачу тех или иных деталей. В работе может создаться перерыв, а ведь члены бригады берегут каждую секунду! И если заканчиваются детали, например у Саблина, то он сейчас же идет помогать Григоряну. А тот, в свою очередь, поможет нагнать упущенное Саблину. И все работают без простоев.

Горком и крайком комсомола торжественно утвердили за бригадой Виталия Саблина право называться бригадой коммунистического труда. Она стала инициатором нового движения в городе и во всем Алтайском крае.

Теперь многие люди приходят в моторосборочный — рабочие других цехов завода, гости из Сталинграда, Минска, Харькова.

Мастер Павличенко объясняет:

— Мы поручили этим ребятам сборку самых ответственных узлов. Слышали о гидронавесной системе трактора ДТ-54? Она позволяет трактористу управлять прицепным орудием. С этим приспособлением завод выпускает тракторы сравнительно недавно. Но уже по одному только Алтайскому краю высвобождено около 40 тысяч прицепщиков... Так вот, комсомольцы собирают этот насос гидронавесной системы и шатунно-поршневую группу — самое сердце мотора.

Гости видят, как очень хорошенькая девушка сосредоточенно прилаживает одну детальку к другой. Перед девушкой — вертикально поставленный ящик с десятками отделений. То из одного, то из другого отделения девушка берет винты, крышечки, болты, рычажки и тотчас скрепляет их в нужном месте.

Это — Маша Смоглюк. Работает она спокойно и, на первый взгляд, очень легко. Только тонкая морщинка, прорезающая временами чистый лоб, да сосредоточенный взгляд затененных ресницами глаз выдают внутреннее напряжение.

Гости непременно хотят познакомиться и с бригадиром Виталием Саблиным. Они проходят дальше по цеху. Возле обшитою белой жестью длинного стола с уложенными в ровный ряд деталями они видят высокого паренька. Его костюм — защитная военная гимнастерка с белым подворотничком и форменные брюки, все — без единого пятнышка, хотя кругом масло, в котором «умываются» детали. Глаза у парня зоркие, фигура подтянутая, — он недавно вернулся с действительной, и в каждом его движении чувствуется военная выправка.

На удивленный вопрос, как ему удастся уберечь от масла костюм, Виталий Саблин с улыбкой отвечает:

— Армейская привычка.

Виталий охотно рассказывает о своей бригаде, объясняет технологический процесс сборки узла, а потом смущенно признается:

— Знаете, порой бывает страшновато. Ответственность — огромная. Видели на доске показателей наши фамилии? Ведь весь цех проверяет, как ты работал сегодня. Не шутка. А вот скоро начнем работать без контролера. Уже вручили нам личные штампы.

Вот и права оказывается Маша в своем давнем споре с любимой подружкой Ниной.

2

День был непоправимо испорчен. Владимир Манжуров машинально принимал у нагревательной вынутые из печи болванки, машинально нажимал ногой педаль машины и смотрел, как высадочный молот горизонтально-ковочной машины — двигается на раскаленный металл.

«Рыф», «рыф» — резкий звук удара, который Владимир привык не замечать, сегодня тупо отдается в голове. А может, это ноет сердце? В самом деле, какая противная тяжесть сегодня у него на душе...

Еще вчерашний день был совсем иным. Владимир приготовил с вечера свою спецовку, собираясь на следующий день выйти на работу после болезни. Он поправился и чувствовал себя бодро. С удовольствием представлял, как завтра пройдет по цеху легкой упругой походкой, придирчиво проверит, не испортили ли машину за его отсутствие,

заботливо оботрет ее, смажет, потом уберет все лишнее, что оставили после себя сменщики, — вечно они что-нибудь бросают. Все это Владимир проделает четко, быстро. И ребята, недавно приехавшие из ФЗО, будут с восхищением следить за каждым движением его, Владимира Манжура, отличного штамповщика, артиста своего дела...

Но случилось совсем не так, как представлял себе Владимир. Он внимательно осмотрел свою машину, отыскал пустой ящик для деталей, нагнулся за чем-то. А когда поднял голову, ящика уже не было. Приемщица ловко подцепила его краном — и вот ящик уплывает по пролету цеха.

— Это мой ящик! — сердито крикнул Владимир.

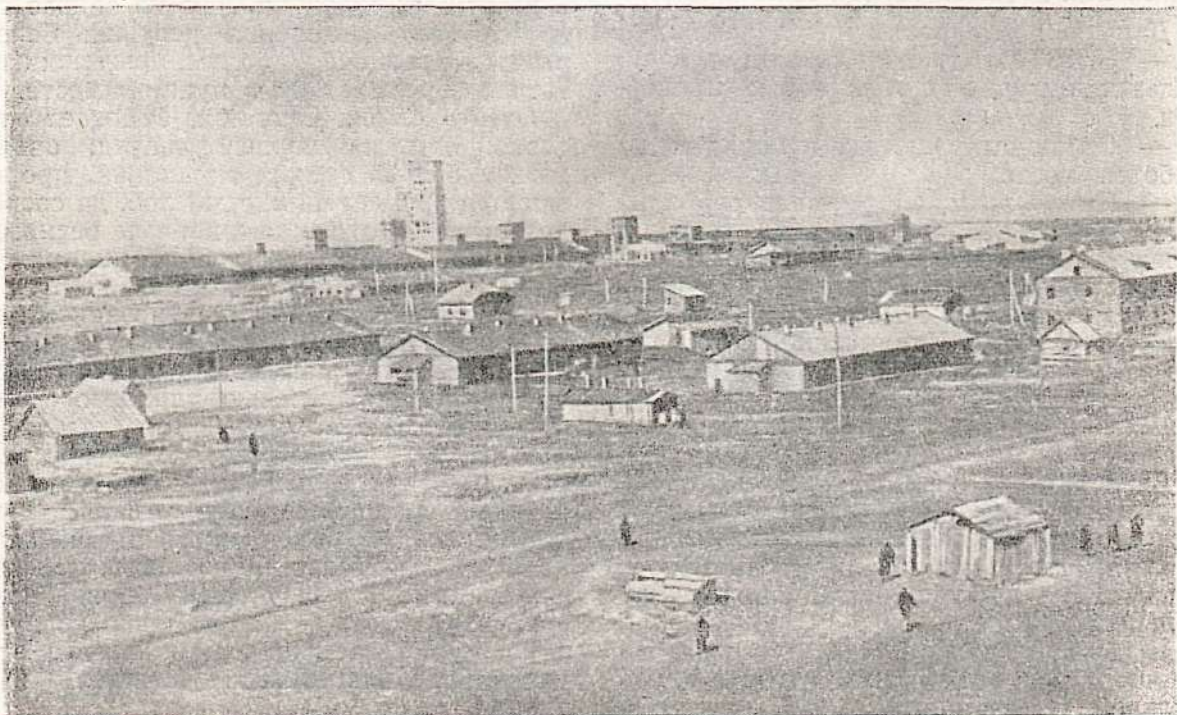
Но девушка сделала вид, что не слышала. Кровь бросилась Владимиру в голову. Он подбежал к приемщице, хотел отнять ящик, толкнул ее, замахнулся... Очнулся от насмешливого взгляда:

— Смотрите, Манжуров дерется с женщиной!

Владимир оглянулся и увидел презрительные лица новичков из ФЗО. Так смотрели они на него в первый раз!

Подшел мастер Петр Яковлевич Воронин. Его тонкий, с горбинкой нос как-то странно вздрагивал, обычно мягкие карие глаза смотрели сердито и обиженно.

— Что ты делаешь? Только вчера мы решили бороться за звание смены коммунистического труда. Обсуждали обязательства... Не было только тебя. Но за тебя поручились товарищи! — тихо проговорил он.

Так выглядела территория завода в 1942 году.

Фото А. Афониной.

— Я... я не знал об этом, — заикаясь, пробормотал Владимир.

Но мастер не стал его слушать. Он отвернулся, сгорбился, пошел прочь. И Владимир почему-то вспомнил, что у мастера неважное здоровье.

«Значит, я опозорил всю смену...»

Владимир штамповал детали, но думал только об этом.

Раньше такой случай в большом коллективе мог пройти незамеченным. Теперь — нет. Состоялось такое собрание, какого давно не было в цехе. На стыке двух смен сошлись чуть ли не все рабочие.

Владимир говорил сбивчиво. Да, он сорвался. Но ведь каждый человек может совершить несвойственный ему поступок. Кроме того, надо учесть, что приемщица была неправа. Новенькая, не знает порядков!

— Ты объясни, а рукам волю не дай! — сердито крикнули из задних рядов. Владимир осекся.

Даже лучшие друзья сурово осудили Владимира. Он слушал и удивлялся: откуда в них такая строгость? Он ясно видел: в людях появилось что-то новое, не совсем понятное ему, и зябко поводит плечами. В жарком цехе, впервые за все годы работы, ему было холодно.

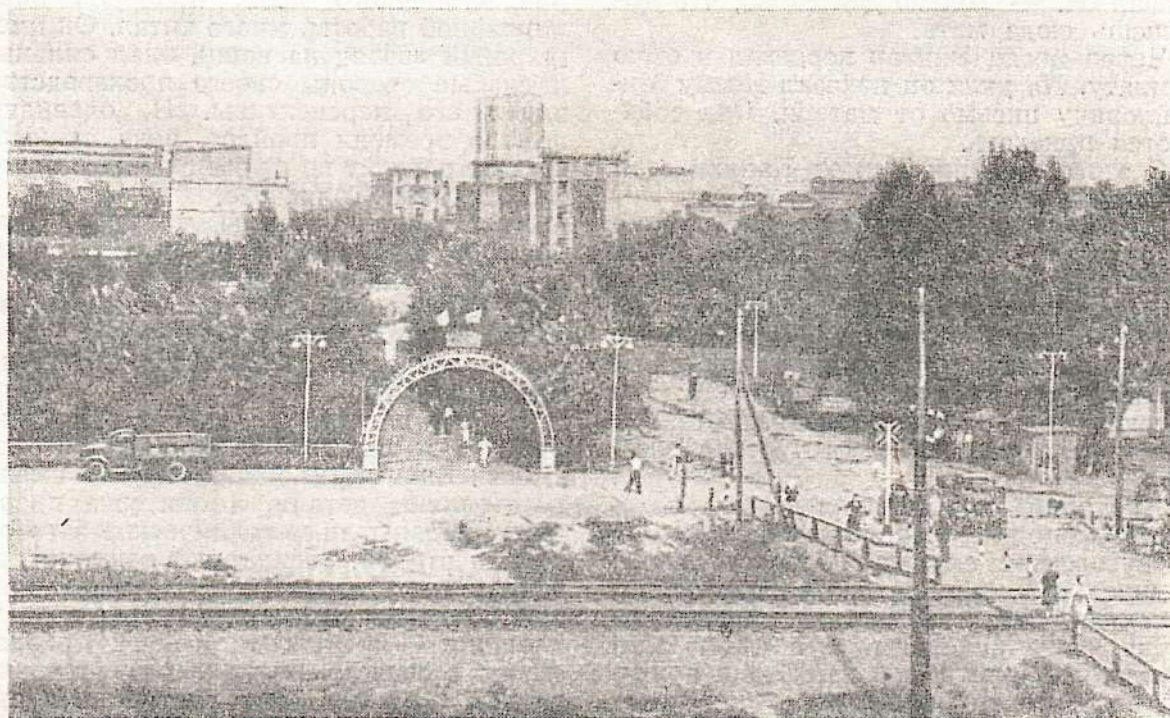
В тот момент, когда у Владимира Манжурова было так тяжело на душе, другой человек чувствовал себя счастливым. Это был старший мастер легкой кузницы Иван Михайлович Толкачев. Он смотрел в лица людей, слушал их скупые слова и ощущал всем сердцем: нет, не зря он дневал и ночевал в цехе! Люди стали лучше, они теперь ревностно борются за честь коллектива.

До недавнего времени о кузнечном говорили лишь в одном плане: он мешал ритмичной работе других цехов. И этому были серьезные причины. Нет на заводе другого такого цеха, который бы находился в столь тяжелых «квартирных» условиях. Корни этого зла уходят к далеким дням 1942 года, когда эвакуированный из Харькова тракторный завод начал обосновываться в низких строениях Рубцовских зернохранилищ.

С тех пор завод стал неузнаваем, разросся вверх и вширь, превратился в гиганта тракторостроения. Многотысячный людской поток вливается ежедневно в его проходные и растекается ручьями по просторной заводской территории. Эти живые ручьи имеют свои постоянные русла, которые тянутся к огромным корпусам механического, чугунолитейного, тракторосборочных, сталелитейного, опытного цехов.

Но остались и старые здания. В одном из них и размещается отделение легкой кузницы. В первые годы с этим можно было мириться. Но ведь теперь продукция завода возросла в десятки раз. И во столько же раз вырос объем работы кузницы. Получилось, что потребители — механические цехи — развивались гораздо быстрее цехов-поставщиков. Недавно по решению совнархоза начали возводить новый корпус для легкой кузницы. Пока же отделение работало в трудных условиях, и большого скачка вперед от него никто не ожидал.

Но партийная организация завода, внимательно изучив положение, решила поднять его производительность уже сейчас, не ожидая нового помещения.

Алтайский тракторный сегодня.

Фото А. Афонной.

По ее инициативе, прежде всего, укрепили руководящие кадры цеха.

Так Иван Михайлович Толкачев стал старшим мастером легкой кузницы. Он принял ряд срочных мер: упорядочил оплату труда, отрегулировал технологический процесс, добился пополнения цеха механиками. А главное — сумел овладеть душами людей. Лучшие рабочие — Брылин, Скориков, Шевелев, Демущин, Красношлыков — сразу поддержали нового мастера. С ними было легко. Трудней было с теми, кто частенько опаздывал, допускал брак.

Обратил внимание Иван Михайлович на штамповщика Папкина. Часто дерзит, ходит по цеху, надвинув на глаза фуражку. Спросит Иван Михайлович:

— Почему глаза прячешь?

Ответит:

— Да пыльно на улице.

— Но в цехе-то пыли нет.

— Верно — нет.

Поправит фуражку, ухмыльнется, пройдет мимо. Работал Папкин без души, нередко опаздывал на смену. Как-то Иван Михайлович спросил его:

— Где живешь?

Ответ последовал неожиданный:

— А везде.

— Адрес?

— А я человек без адреса.

— Объясни, — строго сказал Иван Михайлович.

— Да что объяснять? Нет у меня прописки в городе Рубцовске — и конец. То у брата, то у товарища, то у знакомых.

Иван Михайлович задумался, ругая себя в душе, что раньше не смог узнать про беду у парня.

— Выхлопочу я тебе комнату, — сказал он. — Только дай слово, что выпишешь сюда мать.

Через месяц Виктор переехал в свою комнату. На днях он показал Ивану Михайловичу письмо от матери. Она собирается приехать.

С этого времени Виктор Папкин стал лучше работать.

...Иван Михайлович Толкачев по образованию — техник. А заменил он на посту старшего мастера легкой кузницы человека с высшим образованием, молодого инженера Анатолия Солдата. Может быть, на первых порах кое-кто и усмотрел в этом несправедливость: затирают, мол, молодого специалиста. На самом деле это не такая простая история.

Анатолий принадлежал к тому поколению молодых специалистов, которые на вузовскую скамью пересели прямо со школьной, «не поюхав» жизни. Свой самостоятельный путь такие инженеры очень часто начинали не в цехе, а в каком-либо отделе завода. Это и понятно: ведь умения работать с людьми у них не было. По этой проторенной дорожке пошел бы и Анатолий Солдат, да только заметил его старый мастер Ва-

силлий Дмитриевич Примаков. Понравился ему спокойный кареглазый парень с певучей украинской речью, почему-то подумалось: «Из этого выйдет толк».

Солдат охотно согласился перейти в цех. Характер у него оказался подходящий — не испугался парень горячего цеха, быстро освоился с делом. И поработать бы ему мастером смены, приобрести опыт руководства людьми. Но Анатолия поспешили выдвинуть, сделали хозяином большого отделения цеха. Эту работу он, что называется, не потянул.

— Авторитету маленько не хватило, — сказал о нем кто-то из рабочих.

Не беремся судить, как воспринял понижение в чине сам Анатолий — его назначили мастером смены. Но рабочие поняли это очень правильно: «С него надо еще сбить окалину», — говорили они.

Иван Михайлович Толкачев — человек другой закалки. Его жизнь, в основном, повторяет судьбы многих работников завода. И чтобы это понять, опять-таки следует обратиться к истории. В тяжелые военные годы завод обосновался в Алтайских степях, растеряв на дорогах войны значительную часть своих кадров. На новом месте пришли на завод и новые люди — жители окрестных сел и городов. Получив специальность, они росли вместе с заводом, учились в вечерних школах и техникумах, а позднее — в местном филиале заочного института. Здесь мужали их характеры, здесь складывались их семьи, отсюда ездили они на другие заводы страны перенимать опыт.

Такой путь прошел и Толкачев. Как свои пять пальцев знал он оборудование кузнечного цеха, приобрел опыт партийной работы, много читал. Он имел широкий взгляд на вещи, знал сильные и слабые стороны своего производства, видел его перспективы. И, очевидно, немало времени пройдет, пока инженер Солдат догонит по своим знаниям и умению техника Толкачева.

Этот пример воочию убеждает, как блестяще оправдала себя система вечернего и заочного обучения.

...Внимательно присматривается Анатолий Солдат к новым порядкам, которые завел в отделении Иван Михайлович Толкачев.

Вот за пятнадцать минут до гудка пришли в цех нагревальщики второй смены. Еще штамповщики первой смены изготавливают детали, а они уже проверяют, поданы ли металлические заготовки для второй, регулируют температуру печей, закладывают в них первые партии болванок. Вот-вот подойдут штамповщики — и с сигналом начала второй смены с машин сойдут первые готовые детали. А ведь еще совсем недавно люди приходили в цех ровно по гудку.

— Не так важно выиграть эти пятнадцать минут, как важно вовремя взять

хороший темп работы, — объяснил Анатолию старший мастер.

Анатолий Солдат вспоминает собрания, где обсуждалось каждое «ЧП», десятиминутки, во время которых старший мастер информировал рабочих об итогах истекшей декады, многочисленные разговоры мастера с людьми... Хорошие порядки завел в цехе Толкачев!

Как-то он сказал Анатолию:

— Это мое партийное поручение.

Считал ли Иван Михайлович до конца выполненным свое партийное поручение? Вряд ли. Недостатков в цехе было еще много. Но в дни, когда смена Петра Яковлевича Воронина объявила о своем желании жить и работать коммунистически, Иван Михайлович испытывал настоящую гордость за успехи людей своего коллектива. Обрадовало и то, как отнеслись к этому рабочие других смен. Прибежал Анатолий Солдат, запальчиво спросил, чем хуже его смена, заявил, что они хотят объявить себя сменой коммунистического труда.

— Рано, Анатолий. Пойдем, поговорим с людьми.

Они пошли по пролету цеха, остановились возле Папкина.

— Скажи, Виктор, ты сможешь сейчас, ну завтра, послезавтра, каждый день выполнять задания на 140—150 процентов, работать без брака? — крикнул, преодолевая гул машин, Иван Михайлович.

Черные, как угольки, глубоко посаженные глаза Папкина, обычно имевшие озорное выражение, вдруг стали серьезными.

— Нет, Иван Михайлович, пока не могу!

— В этом деле, Анатолий, спешить нельзя, — мягко говорил Иван Михайлович, когда они отошли от машины. — Пусть люди подрастут, подучатся. Ведь главное не в том, чтобы объявить себя передовиками, главное — поднять всех рабочих на новые дела.

После этого разговора прошло несколько дней, но Толкачев нет-нет да ловил себя на том, что ему хочется еще раз проверить свои суждения о людях смены Воронина. Вот они, перед ним.

Не по летам уравновешенный, серьезный Иван Брылин. Он закончил вечернюю десятилетку и теперь готовится поступить в институт. А вот гибкий, подвижный Евгений Демускин. Этот очень хорошо чувствует машину, прекрасно налаживает штампы. Но ставить его наладчиком, видимо, рановато, еще молод, горяч.

А вот еще более молодое поколение. Этот парень, Иван Скориков, между прочим, отличный штамповщик, приехал в Рубцовск из Казахстана, чтобы поступить после десятилетки в техникум (в институт боялся из-за конкурса). Погулял по городу, посмотрел издали на завод, поговорил с рабочими... и раздумал идти в техникум. Пришел к станку. При-

ехал Скориков в Рубцовск вместе с другом Владимиром Немоляевым. И тот поступил на завод.

Дали ребятам комнату. А теперь она стала тесна. Приехал погостить брат Владимира — и остался на заводе. Потянулась за сыновьями и мать. Живут теперь одной семьей, и Иван Скориков с ними, за сына и брата.

А недавно Иван Михайлович увидел Скорикова в цехе с незнакомым пожилым мужчиной.

— Знакомьтесь, мой отец, — сказал Иван Толкачеву. — Вот приехал посмотреть, как я работаю.

Теперь Скориков просит квартиру. Хочет перевезти в Рубцовск всю семью: отца, мать, двоих братьев.

«Обживают люди землю сибирскую», — думает Иван Михайлович Толкачев.

Он идет по цеху, любуется четкими движениями рабочих, ощущает единый ритм труда и думает:

«Отличные ребята в смене мастера Воронина, дают уже ежедневно 150—200 процентов».

В глубине души Иван Михайлович уверен: в легкой кузнице рождается еще одна смена коммунистического труда.

3

На Алтайском тракторном нельзя не заметить одной интересной черты, которая становится характерной для предприятий Сибири. Это — раннее духовное созревание человека.

И директор завода, и его главный инженер, и секретарь парткома, и многие руководители цехов, пролетов, смен — еще молодые люди. Тому же Ивану Михайловичу Толкачеву от роду 28 лет. П. Я. Воронину — примерно столько же. Многие люди, о которых с уважением говорят: это опытный, серьезный работник, оказывается, имеют за плечами 30, 25, а то и 22 года. В биографиях этих людей есть нечто общее: они рано вступили на трудовой, самостоятельный путь.

У большинства молодежи учеба в аудитории сочеталась с учебой у жизни. И трудно переоценить роль, которую сыграло в этом старшее поколение рабочего класса.

Сюда, в Алтайские степи, производственную культуру принесли рабочие индустриального Харькова. Среди них были ветераны завода, своими руками возводившие знаменитый ХТЗ, детище первой пятилетки.

Воспитав уже здесь, в Сибири, целую плеяду молодых специалистов, многие ушли на пенсию. Но не мало ветеранов продолжает трудиться на родном заводе.

Четыре года назад получил право на пенсию начальник Северного пролета чугунолитейного цеха № 1 Федор Константинович Зайко. В сентябре 1956 года в заводском клубе ему торжественно

вручили пенсионную книжку, где была обозначена сумма: 1200 руб. в месяц. Приличная, ничего не скажешь, пенсия, можно бы отдохнуть на покое! Однако на следующее утро в людском потоке, который тек к проходной, выделялась, как всегда, крупная фигура начальника Северного пролета. Нет, не так просто ему было уйти на покой: прочные нити связывали его с заводом, со своей специальностью.

С детства он был рабочим человеком, испытал произвол хозяев. Был случай — бунтовал против машин.

В 1911 году привезли на Харьковский завод из Англии формовочную машину. Объявили рабочим, что отныне каждая опока будет стоить вместо 6 — 4 копейки. Зайко отказался работать на машине и никого к ней не подпустил. Он тогда искренне считал, что машина — человеку враг. Два дня «охранял» машину, а на третий в цех вошли городские, взяли его под руки, хотели вывести. Но в ответ все литейщики бросили работу. На другой день Федора на завод не пустили. Заработную плату вынесли за ворота.

При Советской власти Федор Зайко стал подлинным специалистом литейного дела.

В 1931 году партия послала его на ХТЗ, который тогда был только что построен. Здесь Федор Константинович впервые увидел хорошо механизированный чугунолитейный цех. Другие литейщики также умели работать лишь вручную.

Как пустить цех? Поехали для обучения на Ленинградский завод «Красный путиловец».

Навсегда запомнилось Федору Константиновичу, как вылили первый ковш чугуна в опоки, которые медленно проплывали на конвейере мимо вагранки.

А через двенадцать лет, в Рубцовске, Зайко с немалым волнением наблюдал подобную же картину. Родной завод был возрожден! Сколько тяжелых, до предела напряженных дней предшествовало этому!

Эшелоны с оборудованием и людьми прибывали из Харькова в Рубцовск с первых чисел апреля 1942 года. Люди открывали двери теплушек — и испуганно переглядывались. Вокруг лежала залитая водой степь. По левую сторону полотна виднелись низкие строения зернохранилищ, по правую среди моря воды и снега выделялось, как остров, здание техникума механизации сельского хозяйства, единственное крупное строение в этой еще мало обжитой части города. В нем разместились заводоуправление, конторы цехов и отделов. Здесь люди спали прямо на полу, ели, отогревались от сырых апрельских ветров — и шли строить завод.

Один из зерноскладов заняли литейщики. Его надстроили, поставили колонны для кранов, смонтировали печи,

механизмы, словом, превратили в цех.

В эти трудные дни в цех пришли совсем юные сибиряки, девушки и пареньки в черных шинелях ремесленников, в ватных куртках и брюках. Так попали в чугунолитейный Мария Потапова, Николай Комаров, Вера Спиридонова, Николай Алешков и многие другие. Они разделили с харьковчанами все тяготы первого года становления завода на новом месте и стали законными членами большой семьи литейщиков.

И не думал Федор Константинович, что теперь, в сорок втором, ему придется вспоминать свое прежнее мастерство. Чтобы поскорее выпустить первые тракторы, решили, не дожидаясь монтажа механизмов, формовать вручную. Оказалось, что умел это делать только один Зайко.

Вот и получилось, что Маша Потапова, Николай Комаров и Николай Алешков в самом начале своего рабочего пути прошли ту же школу, какую прошел в юности и старый мастер.

А потом, когда было смонтировано оборудование, Федор Константинович обучал молодых работе на механизмах. Однажды рассказал группе ребят, как бунтовал в юности против машин. Они долго смеялись. Для них, рожденных в советское время, эти переживания Федора Константиновича были далекой и забавной историей.

Быстро растут люди на глазах Зайко. Николай Комаров стал его первым помощником, старшим мастером пролета, Николай Алешков — начальником пролета в новом чугунолитейном цехе. Мария Потапова теперь опытная формовщица, очень деловой человек. Она — член горкома и крайкома партии.

Это о таких, как Мария Потапова, заводской поэт В. Буськов писал:

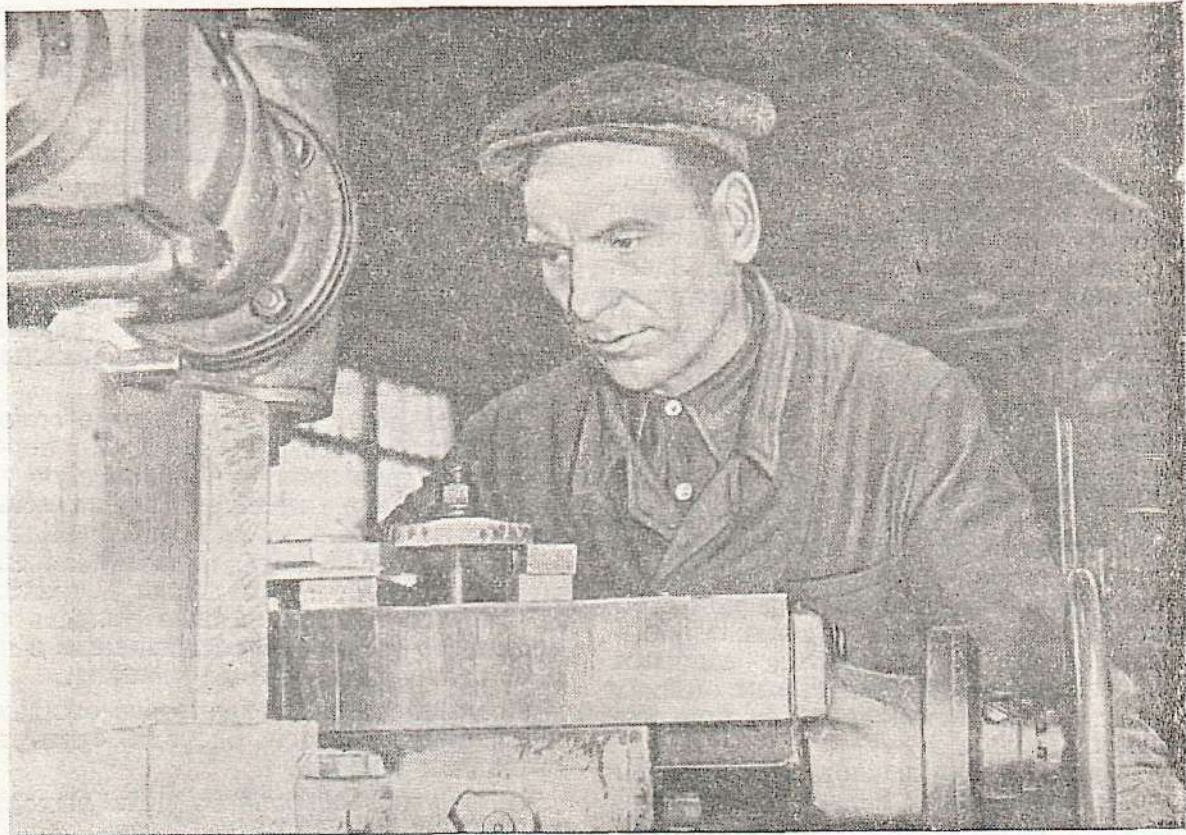
Красит заря бесконечные дали.
Тонет завод в голубеющей мгле.
В сорок втором мы его создавали
На необжитой целинной земле.
Помнишь, подружка, девчонкой несмелой
С нами впервые пришла на завод?
Ты шлифовать на станке не умела,
Но говорила: «Настроюсь, пойдет!»

Бывшие ученики Федора Константиновича уже выучили десятки других рабочих. Так и передается из рук в руки мастерство, так и мужает молодое поколение рабочего класса.

...Большое хозяйство у начальника пролета. Идешь, идешь по владениям Зайко — и всюду тянутся ленты конвейеров, дробно стучат формовочные машины, трамбуя в опоках землю, отпечатывая в ней формы с алюминиевых моделей. Плывут опоки с готовыми формами к подвесным ковшам, где тяжело волнуется расплавленный чугун. Наклонится ковш — и выльется в форму нужная порция металла. В больших вращающихся барабанах — от них грохот на весь цех — выбивается из земли литье.

Весь процесс формовки и литья происходит в темную, в земле, скрыто от

Работа Леонида Ивановича Жихарева требует большого внимания.

Фото В. Мартынова.

глаз человека. Многие причины могут привести к браку. Большой опыт помогает Федору Константиновичу предотвращать его. Ему открыты все тайны литейного дела.

В профкоме завода однажды пошутили:

— Ну, приворожили тебя, Федор Константинович, к чугунолитейному цеху.

Зайко посмеялся — и забыл об этой шутке. Вспомнил о ней совсем недавно, во время поездки в Харьков, на тракторный завод. С удивлением осматривал он свой родной город — его не узнать. Не та стала Сумская улица, не та Николаевская. И снова славится на всю страну Харьковский тракторный. Новый ХТЗ очень понравился Федору Константиновичу. В первый день он пробыл там до самого вечера. Когда вышел из проходной, небо было бездонным, черным, и по нему звезды — что золотой дождь электросварки. Подумал: «Ночито на Украине звездные, как у нас, на Алтае».

Поймал себя на слове, засмеялся, повторил вслух: «У нас на Алтае».

Родные уговаривали Федора Константиновича переехать в Харьков. Хватит, мол, пожил в чужом краю. Он вежливо выслушивал советы, но вскоре заторопился:

— Домой пора, на завод.

Выходит, действительно приворожили Зайко к цеху...

4

Мы пока побывали всего лишь в трех цехах Алтайского тракторного завода. А сколько этих цехов! И каждый из них по-своему интересен.

В цехе Зайко мы видели алюминиевые модели, по которым создаются чугунные отливки. Их изготавливают в модельном цехе.

Вот они, алюминиевые модели. Какую причудливую форму имеют некоторые из них! Например, эта напоминает миниатюрный фантастический город с белыми башенками, ступенями, колодцами. Вот та — сказочные пещеры и гроты. И все сделано на станке. Нет на заводе работы сложнее этой, потому что нет на свете такого станка, который бы сразу по чертежу превратил кусок металла в фигуру столь сложной формы. Делает эту работу станочник-универсал.

Вот стоит невысокий, аккуратно одетый человек. Это рационализатор Леонид Иванович Жихарев. Только одно из его технических усовершенствований — отливка в кокиль (металлическую форму, заменяющую земляную) модели звена гусеницы — дает заводу ежегодно экономию в 120 тысяч рублей. Леонид Иванович щедро передает свой опыт другим. Среди сотен его учеников — известный на всю страну харьковский модельщик Лупандин.

Л. П. Жихарев показывает необычайные фрезы, резцы, сверла из дорого-

стоящей стали. Оказывается, он их сделал сам из сработанного инструмента.

Знакомясь с работой модельщиков, невольно думаешь: какое гармоничное сочетание умственного и физического труда!

И действительно, в цехе нет людей с низким образованием. Многие имеют среднее техническое. А 40 процентов рабочих учится в вузах и техникумах.

Оригинален цех точного литья. Здесь отливают по выплавляемым моделям десятки наименований мелких деталей. Здесь не увидишь ни черной рабочей спецовки, ни запыленного землей лица, не услышишь грохота формовочной машины. В первый момент кажется, что это кондитерский цех.

Работают здесь девушки в белых халатах, они изготавливают розовые фигурные пряники. Эти «пряники» — модели мелких деталей — девушки печатают в пресс-формах из розовой парафино-стеариновой массы. Затем «пряники» нанизываются на металлические стержни, прикрепленные к вертикальным стойкам точно так, как ветви деревьев прикреплены к стволам.

«Розовые елки» вырастают несравненно быстрее своих зеленых сестер, а жизнь их несоизмеримо короче. Работницы спешат обмазать их керамической смесью.

Елки желтеют, сохнут. Затем их помещают в печи для обжига. Там елки тотчас начинают выпускать из себя розовую «смолу», стекающую по желобу в ящик — парафино-стеариновую смесь. Из нее вновь штампуют модели. А пу-

стая внутри керамическая оболочка — этот точный слепок с модели — и служит той формой, которую заливают металлом. Полученные детали не требуют большой обработки на станке.

В цехе заканчивается монтаж первой на заводе автоматической линии.

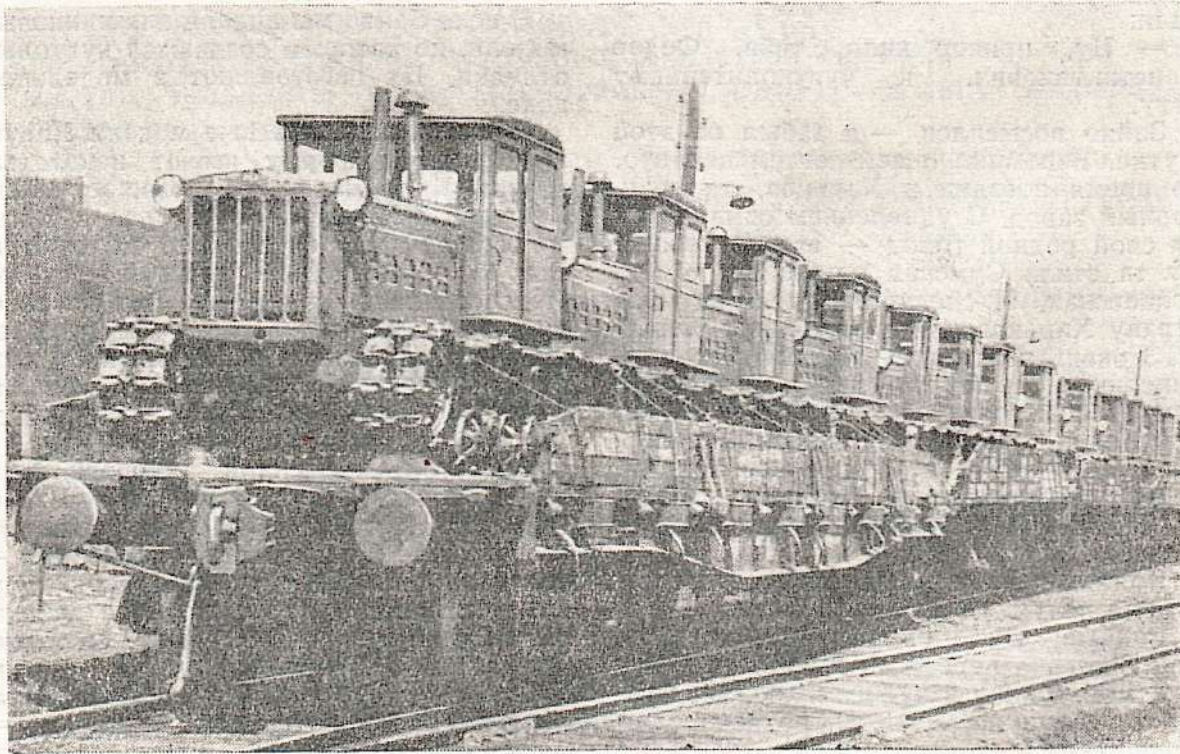
Цех точного литья по объему выпускаемой продукции, по-видимому, самый небольшой на заводе. Но именно в этом цехе лучше видно, как занялся зарею завтрашний день не только этого завода, но и всей промышленности страны. Здесь человеческий труд максимально заменен машинным.

...Ни за день, ни за неделю не осмотришь Алтайский тракторный. Но перед тем, как сдать пропуск в проходную завода, мы все же пройдем еще на испытательную площадку и в опытный цех.

Вот вышел из цеха, поблескивая свежей краской, дизельный трактор ДТ-54. Его повсюду можно увидеть на полях, это самая распространенная в нашем сельском хозяйстве машина.

Десятки таких же тракторов ожидают на площадке своей очереди стать на стенд для обкатки.

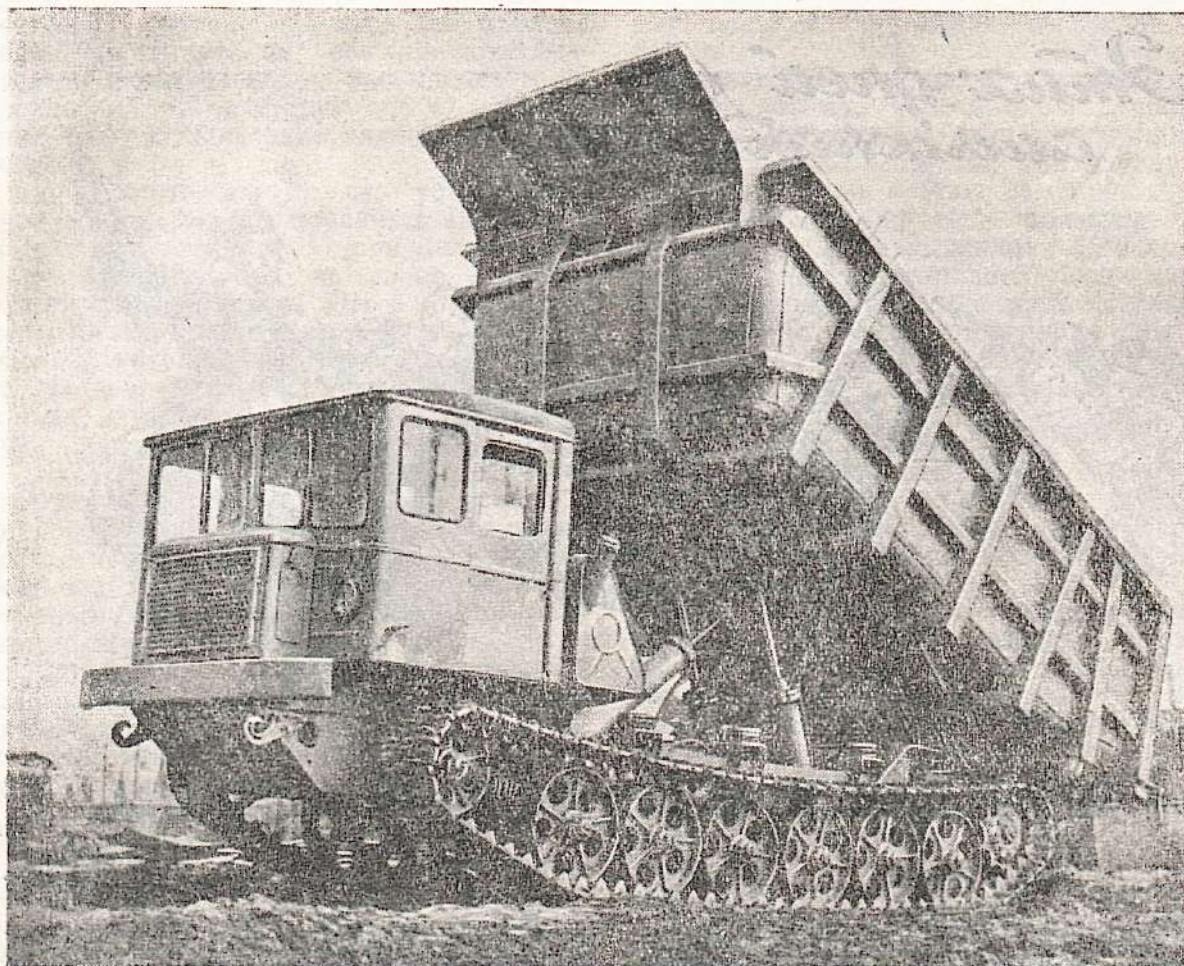
Из другого сборочного цеха выходит трактор марки ТДТ-60. У него совершенно иная внешность — он выше ростом, передняя часть его туловища короче, но задняя — длиннее, там находится погрузочный щит с лебедкой. Назначение этого трактора — перевозка леса. Эта трелевочная машина, освоенная нашей промышленностью сравнительно недавно, удостоена премии

Очередная партия тракторов ДТ-54 погружена на платформу.

Фото В. Мартынова.

Опытный образец нового трактора-самосвала ТСТ-130.

Фото А. Афониной.

«Гран-при» на Всемирной выставке в Брюсселе.

Обе эти машины — в массовом производстве.

А в опытном цехе мы можем заглянуть в завтрашний день завода. Там мы увидим образцы тракторов, создаваемых коллективом конструкторов завода во главе с Б. С. Гахенсоном.

Вот гигантский гусеничный трактор-самосвал с объемистым кузовом.

А этот трактор с четырьмя ведущими колесами, ТН-4, вдвое превосходит мощность широко распространенных колесных тракторов.

Судьба этих двух машин окончательно еще не определена. Конструкторы продолжают совершенствовать их. А будущее трактора Т-4, который стоит здесь же, под сводами стеклянными цеха, уже предreshено. Через год-полтора он заменит трактор ДТ-54, войдет в массовое производство. Этот гусеничный трактор общего назначения с двигателем мощностью 85 лошадиных сил об-

ладает силой тяги в 4 тонны. Быстроходная, очень прочная машина!

Искрится, сверкает под южным небом холодная Алтайская степь. Кланяются прохожим на дорогах припорошенные снегом прошлогодние ковыли. Порой сорвется ветер с гор Алтая, завоюет, покажется по равнине, взволнует мелкой рябью тонкое белое покрывало степи, изорвет его в клочья — и стихнет. Затуманится небо, упадут на землю крупные белые хлопья. И снова ясно. Куда ни глянешь — степной простор. Но это уже не дикая степь. Придет весна, стает снег, отойдет от зимней стужи земля — и поползут по ней, урча, сотни машин. Город тракторостроителей тогда станет похож на огромный бивак, разбитый на пашне.

Сойдет на землю ночь — зажжется в степи тысячеглазый маяк. Он виден за десятки километров. И откуда-нибудь издали засмотрится на огни тракторист, прорезающий плугом черную грудь земли. Засмотрится, подумает: «И там не спят, встречают зарю трудом!».